

УДК 316:111

*И. С. Нечитайло***СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ФАНТАЗИИ И ЗНАНИЯ**

Нет фантазии, которую воля и разум людей
не могли бы превратить в действительность.

*Максим Горький***Резюме**

Статтю присвячено актуальним питанням сучасної соціології, пов'язаним із визначенням сутності соціальної реальності та шляхів її пізнання. Вирішення цих питань є необхідною умовою подолання фрагментарності соціологічного знання, формування цілісного погляду на весь соціум та окрему людину як ключову ланку соціальної самоорганізації.

Summary

The article addresses the essential problems of modern sociology concerning the determination of the social reality essence and the ways of its cognition. Solving these problems is obligatory for overcoming the fragmentary character of sociological knowledge and forming an integral idea of society as a whole and an individual as a key unit of social self-organization.

Ключевые слова: воображаемое, действительное, социальная реальность, социологическая перспектива, социология.

По мнению многих авторитетных ученых, современная социология находится в парадигмальном кризисе из-за своей раздробленности. В частности, Т. М. Дридзе, выдающийся российский социолог, создательница ряда новых парадигм в социологическом знании, утверждает, что такая ситуация является следствием отсутствия целостного взгляда на социум как таковой и на человека как ключевое звено социальной самоорганизации [1, с. 6]. Разрешение проблемы фрагментарности социологии видится возможным только при условии приращения нового знания о социальной реальности, с обязательным учетом ее постоянно возрастающей изменчивости.

На наш взгляд, любой научный труд, имеющий прямое или косвенное отношение к области знаний об индивиде и обществе, так или иначе затрагивает отдельные аспекты изучения социальной

реальности. Вопросы познания и сущности социальной реальности всегда были в центре внимания западных социальных теоретиков и методологов: Бергера П., Будона Р., Бурдые П., Вебера М., Гуссерля Э., Лукмана Т., Миллса Ч., Поппера К., Сартра Ж. П., Тоффлера А., Турена А., Фромма Э., Фуко М., Фукуямы Ф., Хабермаса Ю., Хайдеггера М. и мн. др.). Попытки осмысления социальной реальности можно обнаружить в работах известных российских ученых: Бахтина М. М., Бердяева Н. А., Франка С. Л. и др. В настоящее время к данной теме обращаются Барулин В. С., Дридзе Т. М., Ильин М. В., Лекторский В. А., Прохоренко Ю. И., Рывкина Р. В., Степин В. С. и др., освещая те или иные ее аспекты. Сквозь призму социологии жизни и повседневности социальная реальность рассматривается Любутиным К. Н., Кондрашовым П. Н., Савченко Л. А., Тощенко Ж. Т. и др. Вопросам, связанным со стратегиями и методами исследования социальной реальности, посвящены работы В. А. Ядова.

Несмотря на существующий, довольно мощный, теоретико-методологический базис, считается, что интеллектуальные попытки описания и объяснения общества как социальной реальности пока что не принесли реальных положительных результатов. Это подтверждается безуспешностью многочисленных практических усилий позитивного воздействия на социальные процессы с учетом долгосрочной перспективы [1; 2, с. 3]. Первопричина такой безуспешности связана с постоянно возрастающей изменчивостью картины мира, что требует постоянного переосмысления социальной реальности, поиска новых подходов к ее пониманию, описанию и объяснению.

В связи со сказанным, целью данной статьи является освещение основных социологических перспектив в изучении социальной реальности, а также наиболее адекватных современным социальным условиям теоретико-методологических подходов в отношении ее описания и объяснения.

В целом, изучение социальной реальности неразрывно связано с поиском ответа на вопрос, интересующий каждого ученого, независимо от области научного знания и научной школы, в рамках которой он работает. Этот вопрос звучит следующим образом: «Что же происходит на самом деле?», т. е. в действительности. И хотя с фило-

софської точки зрення поняття «дійсність» і «реальність» слід розділяти, в побутовому розумінні вони часто отождествляються. Да і в словниках доволно часто зустрічаються трактовки «реального» як дійсного, об'єктивного, – чого-то, що має місце не тільки в думці. При цьому реальне, як правило, протиставляється фантастичному, ідеальному, існуючому виключно в уяві.

Все достатньо просто, якщо мова йде про конкретну річ, людину, тварину. Коня, наприклад, реально, а ось единорог (та ж коня, тільки з рогом на лбу) – істота фантастична, кожен з нас може її представити, однак аналога в реальному житті не існує. Деяко складніше справа, якщо мова йде про якісь наукові «абстракції», таких як, наприклад, «всесвіт». Практично нікому не відомо, як вона виглядає насправді, однак ні у кого не викликає сумнівів, що вона реальна. Іншими словами, питання про реальне/нереальне не так просте, як здається на перший погляд. Є «що-то», що ми без зусиль можемо собі представити, намалювати не тільки в своїй уяві, але і на листі паперу, точно знаючи, що цього не існує насправді. І в той же час є «що-то», – доволно складно піддаючись нашій уяві, однак, виходячи з надійних джерел, ми точно знаємо, що воно існує, є частиною реальності, має своє наукове визначення. Наприклад, мало кому відомо, що таке «аксолотль». З незнання може показатися, що це якийсь фантастичний «гібрид» літака і вертольота. Насправді ж це – це повністю реальне земноводне істота¹.

Згідно з розрахунками вчених, в середньому, кожен людина володіє доволно скромними знаннями про світ. Недостаток знань компенсується здатністю фантазувати. Фантазія – сила уяви, те, що представляє, що виникає в нашій свідомості. З її допомогою і створюються моделі явищ і ситуацій, які або не існують в реальності, або ще невідомі і не досліджені, або відомі тільки обмеженому колу людей. По цьому приводу

¹Личинна форма земноводного з родини амбистомових.

очень точно высказался А. Эйнштейн: «Фантазия важнее знания... Знание ограничено. Воображение охватывает весь мир». Поддерживая и продолжая эту мысль, подчеркнем, что фантазия – инструмент, позволяющий проложить дорогу к истине. Она просто необходима для научного познания реальности, так как только фантазия позволяет построить интерпретативную схему ее (реальности) понимания. Такие схемы в научном лексиконе определяются как перспективы. Как правило, перспектива отождествляется с некой образной теорией, лишенной внутренней строгой дидактики и логической упорядоченности [3].

Каждая наука имеет свой собственный угол зрения на понимание социальной реальности. Поиск истины о том, где реальность, а где фантазии, усложняется еще и тем, что сам человек, осуществляющий эти поиски, является частью этой реальности. Возникает вопрос: «Какая реальность действительно реальна – та, которая существует вокруг нас, независимо от того, существуем ли мы, или та, которая прекратит свое существование, если нас, вдруг, не станет?». Этот вопрос пронизывает красной нитью всю историю социологической мысли. Сегодня уже устарело представление о социальной реальности как о чем-то, отличном от реальности биологической, физической, когнитивной. Для социолога реальность – настоящее, являющееся продуктом прошлого и потенцией будущего одновременно. Она является результатом взаимодействия социальных субъектов, будь то большие социальные общности, малые социальные группы или отдельные индивиды. При этом с помощью специальных (качественных и количественных) методов исследуются социальные факты как «реальная действительность». Что же касается фантазии, то с социологической точки зрения она может рассматриваться как отображение реальности в сознании индивида, ее преломление сквозь призму индивидуальности.

В целом именно социология претендует на предельно полное описание и объяснение социальной реальности. В этой связи высказывается множество точек зрения внутри самой социологической науки, формируется целый ряд различных перспектив, которые классифицируются по самым разным основаниям и принципам. Все

рассуждения относительно социальной реальности и соотношения в ней действительного и воображаемого можно локализовать в двух пересекающихся плоскостях: гносеологической (связанной с вопросами познания социальной реальности) и онтологической (включающей вопросы закономерностей ее существования). В каждой из плоскостей можно осуществить дихотомизацию перспектив, рассматривающих социальную реальность в противоположных ракурсах: в гносеологической плоскости противопоставляются сциентическая и гуманистическая перспективы, а в онтологической – социально-реалистическая и номиналистическая.

Сциентизм – магистральное направление в мировой социологии, представленное учениями О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Л. Гумпловича и др. Исходя из основных положений данного направления, социальная реальность может быть установлена в отдельности от каждого индивида и познана с помощью методологии естественных наук. «Классикой жанра» здесь, конечно же, являются работы Э. Дюркгейма [3].

Исходя из основных постулатов гуманистической перспективы, исключение из науки «человеческого фактора» недопустимо. Являясь субъектом познания социальной реальности, именно человек наделяет смыслом все объективное, существующее в действительности. Истоки таких представлений можно обнаружить в понимающей социологии М. Вебера, основные идеи которой получают развитие в феноменологической социологии А. Шюца и др. К разновидностям гуманизма в социологии также можно отнести «аналитическую» школу Ф. Знанецкого (У. Томас, Г. Беккер и др.) и некоторые субъективистские школы: этнометодологию (Г. Гарфинкель), символический интеракционизм (Дж. Мид) и др. *«Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям»*, – гласит знаменитая «Теорема Томаса». Об этом же говорит и Р. Мертон, вводя в социологический словарь концепт «Самоисполняющееся пророчество»² [4].

² Кстати, исходя из таких представлений, формулируется самый известный принцип социальной реальности: «большая ложь», согласно которому преувеличенная ложь легче убеждает людей, чем реалистическая ложь.

В онтологической плоскости центральными вопросами в отношении социальной реальности являются следующие: «Возможно ли существование общества как единого целого?», «Или же это единство – фантазия, а реально существуют только индивиды, составляющие общество?». Представители социального реализма уверены, что общество в целом и отдельные социальные институты выступают как самостоятельная реальность, не сводимая к взаимодействию отдельных индивидов (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Л. Гумплович, Е. В. Де-Роберти, А. Эспинас и др.). Им противостоят «номиналисты», утверждая, что реальны только люди. Данное утверждение отражено в знаменитом афоризме Г. Зиммеля: «Общество существует там, где несколько индивидуумов вступают во взаимодействие. Не существует общества вообще...» [5, с. 163]. Идеи номинализма также представлены в работах Г. Тарда, Л. фон Визе, М. Вебера и др.

В современной социологической мысли вырисовывается еще одна перспектива, – так называемая «перспектива слияния парадигм», различных представлений о социальной реальности. Считается, что одним из первых наметил эту перспективу французский философ экзистенциально-феноменологической ориентации Мерло-Понти Морис. Многие его идеи были с энтузиазмом подхвачены, развиты и преобразованы. В частности, идея о социальном конструировании мира, ориентация на учет как «внешних» (эмпирически фиксируемых), так и «внутренних» (феноменологически-удостоверяемых) аспектов существования социальной реальности, понимание человека как существа, вырабатывающего «значения», наделяющего ими «свой мир» и действующего на этой основе. Например, П. Бергер и Т. Лукман в книге «Социальное конструирование реальности» говорят о том, что общество может рассматриваться и как объективная, и как субъективная реальность [6, с. 15–32]. Как объективная реальность оно строится на экстернализации и объективации (включающей институционализацию). Процесс перевода объективированного социального мира в индивидуальное сознание осуществляется в ходе социализации и носит название «интернализация».

Существует еще одна работа, очень созвучная по названию с работой П. Бергера и Т. Лукмана. Речь идет о книге современного

американського філософа Дж. Серля «Конструювання соціальної реальності». Учений во многих аспектах підтримує позицію попередніх авторів. Він говорить про те, що є частини реального світу, які існують тільки тому, що ми вважаємо, що вони існують (гроші, власність, шлюб і т. д.). І в той же час, вони є фактами «об'єктивними», став невід'ємною частиною соціуму. Ці факти відрізняються від фактів іншого роду, повністю незалежних від людини (як, наприклад, факт того, що вода може перетворюватися в лід) [7]. Таким чином, Дж. Серль розділяє всі факти про соціальну реальність на інституціональні (залежні від людського угоди, існування яких забезпечується соціальними інститутами) і не інституціональні (грубі, не вимагають інститутів) [7].

Квінтэссенцією приведених вище висновків є ідея єдності соціальної реальності: суспільство і об'єктивна реальність – продукт людський, і в той же час, людина – соціальний продукт. Двоїстна сутність соціальної реальності, її об'єкт-суб'єктність у всій своїй повноті розкривається в понятті «габітус», введеному в науковий обіг П. Бурдьє. С однієї сторони, габітус – це внутрішні схеми сприйняття, оцінювання і класифікації, властиві індивіду, з іншої – це інтеріоризовані соціальні відносини, засвоєні в процесі соціалізації. Габітус забезпечує виробництво і постійну змінюваність світу в практиках індивіда [8].

Подібні уявлення про процесуальність і динамічність соціальної реальності стали передумовою чітко прослідковуваного в останнє час переходу соціально-гуманітарних наук до суб'єкт-суб'єктності в її (реальності) розумінні. Під соціальною суб'єктністю розуміється здатність суспільства, соціальних інститутів, груп і кожного окремого людини виступати в якості активного початку (діяча, творця) соціальної реальності, готовність давати опір зовнішнім і внутрішнім факторам, загрожуючим існуванню суб'єкта. Виходячи з таких уявлень, розроблено надзвичайно широке поняття реальності, дозволяюче статус реального закріпити за всім, що здатно оказати

воздействие на бытие субъекта. В целом же социальная реальность представляется как надындивидуальный субъект «структурного» типа и выступает инструментальной основой деятельности индивидных субъектов [2, с. 3–5].

Резюмируя сказанное, отметим, что наше общее отношение к обозначенной в данной работе проблеме отражено в высказывании великого писателя Максима Горького, которое отнюдь не случайно выбрано нами в качестве эпиграфа. Однако позволим себе несколько перефразировать и дополнить это высказывание в соответствии с контекстом рассматриваемой проблематики: «Нет фантазии, которую воля и разум людей не могли бы превратить в действительность...», чтобы впоследствии было чему покоряться и с чем бороться, с чем соглашаться и что оспаривать, что переосмысливать заново и над чем фантазировать вновь. В таком «круговороте» заложен механизм воспроизводства социальной реальности, которая обладает как субъективными (оценочными), так и объективными (материализованными) характеристиками и показателями. В этой связи согласимся с мнением Т. М. Дридзе о том, что такой механизм держится на коммуникации как совокупности «человеко-средовых» интеракций [1, с. 6–8]. Учитывая тот факт, что универсальным средством коммуникации считается язык, завершим свои рассуждения выводами Дж. Серля относительно существенной роли языка в создании и воспроизводстве социальной реальности (как институциональной действительности). «Институциональные факты требуют языка, так как он частично конструирует эти факты», – говорит ученый. Однако эта тема – предмет отдельного разговора.

Список литературы

1. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики / Т. М. Дридзе // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах : в 2-х кн. – М., 2000. – Кн. 1. – С. 5–42.

2. Прохоренко Ю. И. Субъектность в структурах социальной реальности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Ю. И. Прохоренко. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.

3. Добренъков В. И. История зарубежной социологии [Электронный ресурс] / В. И. Добренъков, А. И. Кравченко. – Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru>.
4. Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество [Электронный ресурс] / Р. Мертон. – Режим доступа: <http://www.journal.prognosis.ru/a/2006/05/10/82.html>.
5. Голосенко И. А. Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии / И. А. Голосенко // Социол. исслед. – 1979. – № 4. – С. 162–170.
6. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; [пер. Е. Руткевича]. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
7. Романова А. О книге Дж. Серля «Конструирование социальной реальности» (рефератив. пер. с англ.) [Электронный ресурс] / А. О. Романова. – Режим доступа: <http://www.amazon.com>.
8. Бурдьё П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] / П. Бурдьё ; [пер. Шматко Н. А.] // Журн. социологии и соц. антропологии. – 1998. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://www.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>.